Юлия Скуркис
Александр Соловьев

Данаида

Юлия Скуркис

Данаида

«Издательские решения»

Скуркис Ю.

Данаида / Ю. Скуркис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937246-8

Заветная мечта человечества о бессмертии обрела техногенное воплощение. В «Меморис» реинкарнируют самых достойных представителей социума.Много ли таковых среди неоаристократии? Баронесса Ту-Ре-Анна Кид пессимистична в оценке своего окружения, но ее устраивает существующий порядок вещей.Неожиданное покушение вырывает Анну из привычного великосветского круговорота. Ей предстоит выяснить, кому и для чего понадобилась ее смерть, и распутать узел политических интриг.

ISBN 978-5-44-937246-8

© Скуркис Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая 6
ПРИЮТ ОБЛАКОВ 6
1 7
2 20
3 25
4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Данаида

Юлия Скуркис
Александр Соловьев

© Юлия Скуркис, 2018
© Александр Соловьев, 2018

ISBN 978-5-4493-7246-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабочка Данаида-монарх (лат. Danaus plexippus) из семейства нимфалид — уникальный вид, способный хранить генетическую информацию о месте рождения и передавать ее потомкам вместе с механизмами ориентации, помогающими безошибочно находить маршрут миграции.
Энтомологическая энциклопедия

Душа есть одна из бесконечного множества вещей, остающихся в том случае, если устранить все смертное.
Иммануил Кант

Часть первая

ПРИЮТ ОБЛАКОВ

Филипп не добежал до развилки, прижался к стене тоннеля: кто-то пробирался навстречу.

Куда теперь? Позади полсотни метров прямого коридора. Боезапас почти на нуле, надо срочно пополнить, а вокруг ни трупа.

Бота-разведчика он потерял час назад, считай – ослеп. Удивительно, что его самого до сих пор не обнаружили. Похоже, в «Лабиринтах Минотавра» здорово поубавилось противников. Впрочем, достаточно и тех, что выжили. Здесь каждый за себя и каждый, кто встретится, – враг. Убей или умрешь.

Филипп замер, прислушался. Правую гарнитуру повредили в первой же схватке, левая – периодически барахлила. Повезло, что выстрел прошел по касательной, попали бы в лицевой щиток – и поминай как звали.

Из примыкающего коридора вылетел бот-разведчик, в ту же секунду Филипп вскинул автомат. Оптика приблизила изображение – на лобовой пластине герб Лестриджей. «Добро пожаловать, Айзек!» – Он дал короткую очередь. Бота отбросило и с лязгом припечатало о стену.

Филипп кинулся вперед. Когда жерло ответвления оказалось в двух шагах, навстречу выскочил Айзек Лестридж. Его костюм выглядел таким же потрепанным, как и у Филиппа: нагрудные пластины оплавлены, а защита на ногах исчерчена рваными бороздами.

Противники замерли друг против друга, целясь в лицевые щитки. Айзек медленно поднял свободную руку в знаке приветствия, но оружие не опустил. «Объединиться? – Филипп ответил на приветствие. – Неплохая идея». Оба подняли забрала. Айзек выстрелил.

1

Алый флаер-кар несся вдоль побережья над полотном трассы Восток-Запад. Навигатор прокладывал маршрут, автопилот вел машину.

Анна, откинувшись на спинку сиденья из натуральной кожи – ужасное варварство и одновременно самый шик и признак благосостояния, – разглядывала кучевые облака. Ветер уже менял направление и гнал к берегу туманную пелену. Анна посмотрела на таймер – через двенадцать минут хлынет ливень. На всякий случай она увеличила мощность поля купола. Обтекатель неожиданно исказила волна люминесценции, защитный контур дрогнул, и техосмотр из нижних строк списка наиболее важных дел переместился на верхние. Помнится, когда приказал долго жить ультрафиолетовый фильтр, Анна получила солнечные ожоги. Ее любовь к жаркому климату и поездкам вдоль моря плохо сочетались с бледностью кожи, присущей северянкам. Она могла бы сменить облик и не единожды: финансовое положение позволяло, но собственная внешность ее вполне устраивала.

На втором сидении лежал последний номер журнала «Богатые и знаменитые» с ее фотографией на обложке и развороте – подарок для материнской коллекции. На бледном аристократическом лице Анны резко выделялись ярко-алые губы. Шелковый шарф того же оттенка охватывал шею, достойную Нефертити. Темные стекла очков из летней коллекции Зибо – ретростиль, роговая оправа и никакой электронной начинки – слегка бликовали на солнце. Снимали на побережье, не в студии. Это привлекло многочисленных зевак и, по слухам, коллекцию раскупили еще до выхода журнала. При ярком солнечном свете очень выигрышно смотрелись пепельные волосы, едва касавшиеся безукоризненных плеч. На фотографии Анна слегка сдвинула очки к кончику носа и смотрела поверх. Серые глаза были темны, как тучи, что сейчас надвигались от горизонта и закрыли уже полнеба.

Анна воспроизвела этот образ женщины-вамп, он идеально подходил к сегодняшнему торжеству, этому празднику масок. Элегантность, утонченность, шик, толика стервозности, не из любви к искусству – по необходимости: миссис Кид не выносила, когда дочь допускала вольности в пропитанной формализмом атмосфере приема на высшем уровне.

Анна сняла солнечные очки в нелепой роговой оправе и убрала в бардачок, вернее, бросила поверх документов – тоже дань моде – бумаги дублировали информацию биочипа-идентификатора: мисс Ту-Ре-Анна Кид, номер страховки, номер генной пробы и банка памяти. Ту-Ре – дважды реинкарнированная. Но ни в первый, ни во второй раз, когда ее забрала смерть, Анна не успела достигнуть преклонного возраста.

Если поверить или гипотетически допустить возможность реинкарнации человека без вмешательства науки, как факт божественного или как исконную способность человеческой души к переселению, можно предположить, что Анна еще до зачатия знала: жизнь – далеко не сахар. Возможно, именно поэтому она обмоталась в материнской утробе пуповиной и благополучно задохнулась в родовых путях. Конечно же, ее откачали.

Потерпев поражение в первой попытке неосознанного суицида, Анна Кид, или по документам перворождения – Анна-Прим Кид, в девятнадцать лет повторила свой подвиг. Это произошло после вечеринки, где она перебрала спиртного. По пути к дому Анна свалилась в чашу фонтана и умудрилась утонуть. Достопамятное событие произошло на самой границе имения Лестриджей. Глупейшая смерть, о которой было противно вспоминать, и удивительная, если подумать о средствах безопасности и жизнеобеспечения в поместье. Убийство? Расследование ничего не дало.

Чем хороша современная реинкарнация – не нужно проходить период младенчества и детства, даже если начинаешь новую фазу в теле ребенка. Хоть несоответствие внешности внутреннему содержанию, несомненно, бросается в глаза. К тому же, подобное служит непло-

хим наказанием для подростка, возомнившего, что в пятнадцать лет ему уже позволены секс и разнообразные стимуляторы.

В теле пятилетнего ребенка подростковый бунт затруднителен, да и гормональный фон этому не способствует. Зато думается хорошо, ведь заниматься все равно больше нечем, не в песочнице же ковыряться. Школа почти закончена в предыдущей жизни, бывшие сверстники в три раза выше тебя, секс, о котором осталось много воспоминаний, еще десяток лет будет недоступным удовольствием. Уж мама позаботится.

Если посчастливится, и ты не свихнешься от странной двойственности и несоответствия ментального физическому, непременно займешься переоценкой ценностей. И если ты себе не враг, придешь к утешительному выводу: «Все, что ни делается – к лучшему». Философский склад ума в таких случаях – величайшее благо. Правда, Анне порой казалось, что это только склад воспоминаний и не более того, но это в минуты отчаяния. Быть дочерью Патрика Кида и не иметь царя в голове – означало бы только одно: незаконное рождение.

Новообретенное тело прослужило Ван-Ре-Анне без малого двадцать пять лет, прежде чем кануть во взрыве за компанию с родителями. Виной тому была политическая деятельность отца. Он так насолил оппонентам, что те не пожалели сил и средств, чтобы добраться до генного хранилища и базы памяти «Меморис». Реинкарнировать оказалось нечего и некого – не осталось ни физической, ни духовной составляющей сенатора Фо-Ре-Патрика Кида. Так, по крайней мере, сообщали в новостях. Это было громкое дело, но следствие, в конце концов, зашло в тупик. Чего и следовало ожидать, ведь это излюбленный конечный пункт в расследованиях подобного рода.

Был ли у двадцати пятилетней Ван-Ре-Анны к моменту гибели разум сорокалетней, трудно сказать. Одно можно утверждать с уверенностью: она больше никогда не выберет тело ребенка, вплоть до предельного десятого перерождения и ухода из круга бытия. С тех пор как Анна достигла совершеннолетия и получила возможность решать собственную судьбу, никто не мог навязать ей неприемлемые условия чего бы то ни было. Во всяком случае, именно так ей хотелось думать.

Флаер-кар свернул на шоссе девятнадцать и въехал в тоннель, проложенный в скальной гряде. Раздался тонкий писк – машину просканировали вместе с ее владелицей: не каждый получал доступ в Зеленую долину, где над вершинами деревьев поднимались к небесам башни особняков. Теперь Анна удалялась от моря, а следом ветер гнал тучи.

Машина замедлила ход, приближаясь к населенной территории, и почти в тот же миг ее накрыло дождем. В кондиционированный воздух салона ворвались насыщенные запахи трав и листвы. По куполу, на сей раз охватив его целиком, снова прошла судорога люминесценции. Анна вздохнула.

Через десять минут ливень прекратился так же резко, как и начался, не задев своей границей жилую зону. Вода заструилась по стокам, специально устроенным для орошения садов и парков частных владений: в жаркую погоду ночного дождя, что проливался над ними, бывало недостаточно.

До фамильного особняка – одного из восьми, разбросанных по континентам – оставалось не более десяти километров. Анна перегнулась через спинку сиденья, подхватила широкополую шляпу и с раздражением нахлобучила на голову. Ох уж эти семейные торжества, неизменно становившиеся достоянием общественности: пресса никогда не обделяла их вниманием.

Сегодня, шестого апреля, предстояло празднование дня перворождения матери, знаменитой в свое время актрисы Глории-Прим Стар, а теперь не менее известной вдовы сенатора Кида. Ту-Ре-Глория Кид, как и все прочие люди ее круга отмечала также дни первого, второго и так далее перерождения, но естественно с меньшей пышностью, чем Прим-дэй. «Этикет и еще раз этикет, – часто говаривала она. – Высшее общество придирчиво и никогда не забы-

вает, чье генеалогическое древо больше и раскидистее; переплюнь их во всем, только тогда тебя сочтут равной».

Быть на высоте для миссис Кид уже давно превратилось в манию, которая перекочевывала из жизни в жизнь подобно карме. Но свою роль бывшая актриса играла виртуозно: Глория-Прим Стар вечна и будет жить в каждой клеточке тел от Ван-Ре до Тен-Ре, прячась под маской. Ведь Стар – псевдоним, ширма, за которой скрылась Глория Попандопулус, в чьих документах не было никакого «Прим», а Кид – следующая ширма. И если на ее жизненном пути встретится некто достойный, – более высокопоставленный, чем покойный муж, хоть и трудно подобное представить: такие давно разобраны по цепким ручкам других светских львиц, – она его не упустит.

Анна тронула сенсор, внутренний слой обтекателя образовал зеркало. Она вымученно улыбнулась отражению, растянула улыбку шире, еще шире – сойдет. Достала из бардачка солнечные очки и спрятала за ними глаза. Это сразу добавило улыбке искренности. Когда мать начнет просматривать фотографии изданий, освещавших ее праздник, она останется довольна.

Флаер-кар притормозил перед воротами фамильного поместья. Тонкий писк в ушах и путь, выстланный флуоресцентными указателями направления, открыт. Но Анна передумала ехать по центральной аллее к парадному входу и свернула на объездную дорогу. В глазах матери это, несомненно, превратится в темное пятно на ее репутации, ведь о приемах не только на сайтах пишут, но и по инфотону транслируют. У парадного входа снимают каждого приезжающего, чтобы потом долго в мельчайших подробностях обсасывать его авто, наряд… В общем, все, что только возможно. И ведь кто-то это смотрит. Очень многие, судя по рейтингу подобных программ.

На гостевой стоянке уже не было мест, на этот раз Анна приехала позже, чем обычно. Она заметила золотистый кадиллак Лестриджей. Именно в их фонтане…

Избежать встречи с инфокорами не удалось, эти проныры торчали неподалеку от гаража. Должно быть группа, интересующаяся флаер-карами аристократов, или им просто дали пинка под зад коллеги других инфокомпаний, застолбившие места у главного входа. Неудачники они или узкие специалисты – Анна разбираться не стала: она ненавидела их всех до единого еще с тех времен, когда состояла в организации «Человек любви».

Бросив машину, она скользнула в дверь с табличкой «Для персонала», отмахнувшись от особо назойливого инфокора:

– Без комментариев.

Пусть несут, что в голову взбредет, хоть: «У Анны Кид накануне празднования Прим-дэй матери – знаменитой, великой, известной… – случилось расстройство пищеварения». Сенсация! Диарея в высшем свете! Анна фыркнула, представив себе возможные заголовки.

В служебных помещениях оказалось людно, по дому сновали временные работники: штатной прислуги для подобных церемоний не хватало. Служащие почтительно расступались перед Анной, вероятно узнавая ее даже в темных очках и шляпе. Она заметила среди них Максимилиана Грэя, дворецкого, и кивнула ему.

Если бы не страсть матери к публичности, не ее фанатичное следование этикету и правилам высшего света, Анна провела бы свои десять жизней в относительной безвестности и покое. Ее бы это вполне устроило. Одно дело выставлять собственные картины и совсем другое – себя.

Анна поднялась на служебном лифте на третий этаж, миновав оккупированный гостями второй – с великолепными залами для приемов, где за аперитивом вели скучные разговоры высокопоставленные особы. Торжественный выход Глории, как всегда великолепной и безупречной, ожидался через сорок минут.

Анна походила на мать фигурой, ей достались идеальные пропорции тела знаменитой актрисы, но лицо носило отпечаток иных кровей: той благородной породистости, что была

присуща Патрику Киду и его предкам. «Принцесса крови», – говорила мама, любуясь их совместным с отцом творением. А дальше обычно следовало: «Держи спину прямо, всегда помни об осанке» и так далее и тому подобное, о чем нужно было непременно помнить.

Анна заспешила в свои апартаменты. Стук ее каблуков по мраморным плиткам пола эхом разнесся по коридору. Она приложила руку к сканеру двери, последовал едва различимый щелчок замка. Внутри ничто не менялось вот уже – Анна прикинула: девятнадцать плюс двадцать пять и еще двадцать – шестьдесят четыре года. И такая же обстановка встречала ее в каждом из восьми особняков, принадлежавших Кидам. Дежа-вю. То ли дело ее пентхаузы, там она все перекраивала чуть ли не раз в полгода.

На столе посреди гостиной ожидала неизменная ваза, наполненная фруктами. Анна точно знала, что в ней. Пять яблок и три груши.

Неожиданно из приоткрытой двери спальни послышался стон. Это оказалось необычным, даже пугающим, потому что выходило за рамки привычного порядка. В апартаментах Анны в доме Глории Кид полагалось находиться только Анне и никому другому. Вновь раздался утробный стон – ей не показалось.

Анна сняла туфли, на цыпочках подкралась к двери и заглянула в щель. Среди разбросанных подушек и покрывал, вызывая пароксизмы страсти у партнерши, колыхался мускулистый зад с очень приметной родинкой на правой ягодице.

«Ну, Филипп!» – захотелось воскликнуть Анне, и только возможные последствия удержали ее от возгласа. Вспомнилась давняя скандальная история о том, как сенатора Хаксли заклинило во время плотских утех из-за неожиданного появления свидетеля. Парочку так и вынесли на носилках в положении бутерброда к карете скорой помощи. Медперсонал тогда озолотился, но мобильные дистанционные камеры инфокоров не упустили этого момента.

Не могла же Анна до такой степени изгадить Прим-дэй матери. Хоть вряд ли Филиппа что-то могло смутить. Она присела на диван и принялась за яблоко, стараясь хрустеть как можно громче. Ее старания были услышаны: через несколько минут из-за двери спальни высунулась взлохмаченная голова.

– Сестренка! Я, как всегда, несказанно рад тебя видеть!

– Какого дьявола, Филипп?! Тебе мало собственных апартаментов? Или кровать сестры вызывает у тебя особые чувства?

– Какая мерзость, – поморщился он. – Даже не надейся. Просто мои апартаменты – первое место, где меня начнут искать. Кстати, рекомендую, – он посторонился, пропуская вперед партнершу, – эскорт «Седьмого неба» всегда на высоте.

Анна посмотрела безразлично. За несколько десятков лет существования в половозрелом теле даже секс может наскучить. Конечно, профессионалы не идут ни в какое сравнение с любителями, но…

Анна взглянула на Филиппа. Это была их давняя забава: поделись игрушкой. Так легко быть щедрым, когда заранее знаешь, что подарок не примут.

– Не сегодня, – отказалась она. В доме Глории Кид что-то замерзало у нее внутри, чувства погружались в анабиоз.

– Может быть, позже? – Филипп многозначительно подмигнул. – Кстати, есть планы продолжить веселье у Лестриджей. Там намечается отвязная вечеринка.

Честно признаться, Анне становилось не по себе от одного словосочетания «вечеринка у Лестриджей».

– Проваливайте отсюда. – Она лениво махнула рукой, оставив приглашение без ответа. – Хотя нет, Филипп, ты задержись.

Удивление брат разыгрывал так же безукоризненно, как и любую другую эмоцию. Театральность несомненно сближала его с матерью, порой Анне казалось, что эти двое путают понятия аристократизм и артистизм. Конечно второе служило великолепным дополнением первого,

глупо отрицать очевидное. Анне же досталась прямолинейность отца, качество, с которым великие актрисы мирятся у мужей, но не терпят в дочерях.

Филипп устроился в кресле напротив. Даже замотанный в простыню он выглядел так, будто на нем королевская мантия.

– Послушай, братишка, меня беспокоят игры… – начала Анна свою отповедь, как только закрылась дверь за девочкой для развлечений.

Филипп не дал ей договорить.

– Извини, за постель. Эта шлюха просто космос.

– Я не об этих забавах. Родинка на твоей заднице, вот, что меня беспокоит. Ее удалили, когда начала разрастаться. Это ведь новое тело, не так ли? – Она пристально посмотрела в глаза брату. – Что-то не припомню официального уведомления о твоей реинкарнации. Во что ты ввязался, Филипп? Прикупил на черном рынке несколько жизней и теперь гробишь их на игровом полигоне?

– Твоя проницательность выше всяких похвал, сестренка. – Филипп выглядел немного смущенным. – Знаю, ты не одобряешь развлечения такого рода, но поверь мне: смерть в бою – это нечто!

– Филипп, – Анна посмотрела на брата с сожалением, – я больше не «человек любви», но мои убеждения остались прежними. Унитарии[1] продают годы своих жизней, чтобы их дети могли получить образование, или ради дорогостоящего лечения кого-то из близких. Причины бывают разными. Даже одну-единственную жизнь им не удается прожить целиком. А ты скупаешь эти крохи чужого времени и тратишь в одночасье! Задумайся, Филипп!

– Ты по-прежнему «человек любви», сестренка, хоть и прекратила спонсировать пройдох. Возможно тебя утешит, если я скажу, что купил кармаитские[2] пожертвования. Фанатикам и дуракам ты никогда не сочувствовала.

– Не утешит. Если бы ты потерял одну из десяти официальных жизней, то задумался бы о ценности…

– Да-да-да, я знаю о твоих принципах. Но левый сверхлимит продавали и будут продавать. И «Лабиринты Минотавра» не утратят популярности, как бы тебе этого ни хотелось. Ты напрасно приписываешь торговцам временем исключительно благородные мотивы. Тебе хочется думать, что люди лучше, чем есть на самом деле, и за это я тебя уважаю: ты знаешь истинную цену вещам, но сохраняешь надежду.

– Считаешь меня наивной дурочкой?

– Ни в малейшей степени! – Филипп вскочил с кресла и, перекинув край простыни через плечо, удалился гордой поступью римского патриция.

– Паяц.

Но кто она такая, чтобы судить? Ее наивные попытки изменить мир к лучшему ни к чему не привели. Жутко захотелось выпить. Это желание стало поводом выйти к гостям, но прежде чем покинуть апартаменты, Анна связалась с горничной и распорядилась поменять постельное белье и утилизировать одежду брата.

Она решила не спускаться по парадной лестнице, чтобы избежать лишнего внимания к своей персоне. Вряд ли ее спутали бы с матерью, но все же такая вероятность существовала – Ту-Ре-Глории недавно исполнилось семнадцать.

День ее второго перерождения они отметили полтора месяца назад. Свое двадцатилетие Анна не праздновала, несмотря на увещевания матери.

---

[1] Унитарии – однократно живущие, люди без права на реинкарнацию.

[2] Кармаизм – религиозное течение, где в качестве пожертвований принимают время жизни (от нескольких дней до десятилетий)

Служебный лифт бесшумно раскрыл двери в обеденной зале, где заканчивали сервировать столы. Анна покивала на приветствия персонала и прошла в соседнее помещение, откуда лилась музыка: оркестр исполнял «Dancing Queen». Гостей собралось много, среди них можно было преспокойно затеряться. Если посчастливится, мать узнает о выполненном дочернем долге, изучив списки прибывших на торжество. А для чего еще нужны сканеры на воротах?

В зале роились камеры, снимая материал для будущих программ или транслируя события онлайн. Одна вожделенно зависла над головой Анны, сместилась немного назад и вниз, подбирая удачный ракурс. Возникло почти непреодолимое желание почесать зад на глазах у миллионов – или сколько их там? – зрителей. Некоторые гости легко себе такое позволяли: тот же Капустный Король. Прозвище вполне достойное чудака Тен-Ре-Хесельринга, который однажды перепутал адреса и вместо вечеринки с тематической оргией приехал голышом на вполне светский раут. Тут поневоле задумаешься: а так ли безопасно множество перерождений?

Или взять, к примеру, Севен-Ре-Грига, убежденного холостяка, заказавшего одновременно трех клонов. Нарциссизм? Если бы только он! Дело кончилось грандиозным судебным разбирательством. Присяжные разводили руками: в уголовном кодексе того времени не было предусмотрено убийство себя – не путать с самоубийством. Почти как в фантастической истории со знаменитым Мак-Лаудом: «В конце останется только один». Но этот последний утверждал, что он вовсе не седьмой Григ, а пятый, а значит, у него в запасе еще пять жизней, а не три. Но суд вынес другое решение.

Анна улыбнулась в глазок объектива, взяла аперитив с подноса у проходившего мимо официанта и отвернулась от камеры. В это мгновение грянули фанфары, и все взгляды обратились к парадной лестнице.

«Ярмарка тщеславия», – пробормотала Анна. Главное – пережить официальную часть, а дальше, как только уберутся инфокоры, трава не расти.

– In vino veritas, – шепнул на ухо незаметно подошедший к ней Филипп и вручил бокал с вином.

– In aqua sanitas[3], – отозвалась Анна.

– Фи, сестренка, ну какое здоровье в воде? Ты меня разочаровываешь, – он вновь склонился к ее уху. – Идешь к Лестриджам? Вино у них сегодня драг-допированное[4]. Это тебе на пробу.

– Так вот, что ты называешь истиной, – усмехнулась Анна, взглянув на бокал с многообещающим напитком.

Филипп одарил ее улыбкой мальчишки-проказника и тихо пропел:

Жил-был Анри четвертый,
Он славный был король,
Любил вино до черта,
Но трезв бывал порой[5]…

– После полуночи, – уточнил он.

***

[3] In vino veritas, in aqua sanitas – Истина в вине, здоровье в воде

[4] Драг-допированное – с добавлением легких наркотиков

[5] Песня на слова Гладкова А.

– Кто эта милашка? – Филипп склонился к другу детства, развалившемуся на ворохе подушек. Айзек посмотрел на него так, будто не узнал, потом перевел мутный взгляд на девушку.

«Сволочь, – без эмоций подумал Филипп, – свинья обдолбанная». Всякий раз, когда приходилось иметь дело с Айзеком, он вспоминал тот предательский выстрел в лицо. Ему было не на что обижаться – в «Лабиринтах Минотавра» играли без правил – сам виноват, как мальчишка повелся на дешевую уловку. Времена благородных рыцарей древнего мира ушли безвозвратно. Филипп жалел об этом, но признавал, что жесткие принципы зачастую работали против их обладателей. В чем он имел возможность убедиться на собственной шкуре. Друг детства… Поднятое забрало… Но самое противное – Айзек был прав. Да, они могли объединить усилия, перебить оставшихся в живых… Но в конце игры столкнулись бы с той же дилеммой. Победитель только один.

– Которая из милашек? – спросил Айзек и громко икнул.

Незнакомка, показавшаяся Филиппу столь прекрасной, не бросила удивленного взгляда на Айзека Лестриджа, которого неизменно одолевала икота, стоило ему немного перебрать спиртного. Напрашивался очевидный вывод: она вовсе не новенькая, просто изменила внешность. За последние годы, десятки лет, никто не влился в их компанию. Они кутили все в том же тесном кругу.

Айзек подтвердил догадку:

– Это Росари Штейн. Ик.

– Генно-модифицированное, но все-таки разнообразие, – усмехнулся Филипп, усилием воли отогнав эфемерную дымку видений, вызванных драг-допированным вином. Он с некоторым трудом поднялся на ноги, пинками раскидал преграждавшие путь подушки.

Росари ловила подобные настроения буквально из воздуха. Стоило мужчине обратить на нее внимание, она уже знала, чем закончится их беседа.

– О прекраснейшая из присутствующих! – Филипп склонился и поцеловал руку изменившейся до неузнаваемости Росари.

– Мне всегда нравился в тебе творческий подход к делу, – улыбнулась она.

– Нет-нет! Никакого «всегда». Это наша первая встреча. Мы не знаем друг друга, но хотим узнать.

– Эта вечеринка начинает мне нравиться. – Росари прикусила нижнюю губу. Можно изменить внешность, но привычки останутся прежними.

– Мы сами творцы своего счастья! – Это была жуткая банальность, но ничего умнее в голову не пришло. Филипп едва заметно вздохнул – его пыл вдруг рассеялся, пропал интерес к игре. И тут он заметил Анну. Она шла по садовой дорожке к северной ротонде, где обычно Лестриджы устраивали вечеринки. Струящееся белое платье, в которое Анна переоделась к ужину, в свете садовых фонарей фосфоресцировало бледно-сиреневыми всполохами.

– Прошу меня простить, неземная красавица, – извинился Филипп перед Росари, – я забыл сказать сестре, что нынче мы веселимся в южной ротонде.

Нетвердой походкой несостоявшийся повеса направился к выходу. Ноги по щиколотку тонули в мягком ворсе ковра, мерещилось – вязли в нем, точно в болоте, – но это от вина. Кстати, о напитке богов! Он прихватил бутылку и два бокала.

– Анна! – закричал Филипп в надежде, что сестра услышит и ему не придется идти вниз по немилосердному числу ступеней. Повезло – она обернулась. Филипп уселся на лестнице, поставил рядом бутылку и бокалы.

Движения Анны, плавные и неторопливые, придавали ей сходство с призраком, что величественно плыл по саду с отрешенным видом.

– Опаздываешь, сестричка, – пожурил он ее. – Ох уж мне этот взгляд! Не было никакого умысла, тем более – злого. Я просто забыл предупредить, что в северной ротонде у Лестриджей

ремонт, поэтому гуляем здесь. Да, это рядом с твоим любимым фонтаном! Но не пора ли прекратить рефлексировать на эту тему?

– Я ведь не сказала ни слова.

– Ты умеешь так посмотреть!.. Присаживайся.

– На самом деле я пришла тебя поблагодарить, что поздравил маму от нас обоих. Речь была великолепной. – Анна устроилась рядом с братом.

– Это не составило мне труда.

– Знаю. И тем не менее…

– Ты умеешь молчать, я – говорить. Нет, когда надо, в тебе просыпается нешуточное красноречие!

– Прекрати, Филипп.

– Надеюсь, ты выпьешь с нами за компанию?

– Если бы ты знал, как все осточертело!

– Я знаю, Анна. Выпей со мной. – Он разлил вино по бокалам. – Чин-чин!

– Да хоть кампай[6].

***

Очнувшись, Анна обнаружила, что лежит на широком бортике фонтана. Скульптурная композиция в центе, изрыгавшая струи воды, выглядела знакомой.

– Ох, дьявол! – она узнала место. Вода не приносила ей здоровья так же, как вино не раскрывало великих истин и тайн бытия.

«Мне день и ночь покоя не даёт мой чёрный человек…» – всплыло в памяти. Почему ей так запомнилась именно эта смерть? Потому что первая? Как первая любовь, что ли? Вторая – при взрыве – была мгновенной. А вот интермедия с утоплением…

Захотелось встать и уйти или уползти на четвереньках подальше от проклятого фонтана, но тело не желало слушаться. Анну зазнобило, будто под ней ледяная корка, а не подогретый мраморный бортик. Всякий раз, припоминая тот злополучный день, она среди сумятицы образов находила темный силуэт какого-то человека, и следом накатывал ужас. На чем основывалась уверенность, что смерть была насильственной, Анна сказать не могла, как и вытравить это ощущение, изъять его из памяти. Но ни одна камера не зафиксировала «черного» человека. Их записи хранили неприглядную картину: она в гордом одиночестве зигзагами подходит к бассейну, взбирается на бортик, оступается… Нелепая смерть.

Но память настойчиво подсовывала иной сюжет: кто-то погружает ее под воду, вверх устремляются пузыри, искажая картину, – беззвучный крик, недолгая борьба. Галлюцинация. Кому могла понадобиться ее смерть? Никому. Как и жизнь.

Анна скатилась на газон, уткнулась в покрытую росой аккуратно постриженную траву. Вызвать бы машину сюда, свернуться калачиком на сиденье и спать до самого дома, своего дома. Но в населенных областях флаер-кары летали только над полотном дороги – мера безопасности.

Анна заставила себя подняться и прочувствовала всю мерзостность нынешнего состояния. Это всегда побуждало ее к долгому воздержанию. До следующей вечеринки у Лестриджей, в точности похожей на все предыдущие. Те же лица, те же шутки, над которыми уже невозможно смеяться, и тот же результат: уход в крутое пике.

Тонкий писк – прошло сканирование на границе имений, когда она покинула поместье Лестриджей и ступила на земли Кидов. Неожиданно полил дождь. «Четыре часа», – отметила Анна, собрала волю в кулак и не торопясь дошла до служебного входа в левом крыле дома. Когда она оказалась у двери, с платья и волос капала вода.

---

[6] Сухая чаша, то бишь – до дна (яп.)

Оставляя мокрый след, Анна добралась до своих апартаментов. По пути ей встретились несколько человек из обслуживающего персонала. То ли они закончили рабочий день, то ли начинали новый. Почтительный поклон приветствия и полное бесстрастие, они достойны тех денег, что им платят.

Анна сбросила мокрое платье на пороге. Горячий душ и целительный сон – все, чего ей хотелось. Утром или днем, как только проснется, она уедет. Оставаться на второй и третий день празднования Анна не собиралась.

***

Запах ароматного кофе защекотал ноздри, выманивая из тяжелого, подобного черному провалу сна. Анна приоткрыла глаза. Первое, что она различила, серебряный поднос на фоне белоснежного передника. Анна скосила глаза в сторону кресла. Так и есть: мать ожидала ее пробуждения. «Живи свободно, умри достойно», – всплыла в голове фраза, наверняка принадлежавшая каким-то воинственным племенам древних людей. Анна приготовилась к осаде.

– Доброе утро, дорогая! – произнесла Глория и отпила кофе.

– Доброе утро, мама. – Голос прозвучал сипло.

Глория едва уловимо нахмурилась.

Анна села в постели. Горничная нажала кнопку на подносе, и он трансформировался в столик для завтрака, выдвинув телескопические ножки. Анна точно знала, что ей подадут: серебряный кофейник и чашечку с блюдцем из тончайшего фарфора, два круассана с медом и стакан апельсинового сока. В неизменной вазочке неизменная белая роза. Но самой желанной была Сефира – чудодейственная, воскрешающая, всемирно известная таблетка от похмелья, – с нее и начался завтрак.

Горничная налила кофе в чашку и замерла в ожидании поручений, готовая исполнить любое пожелание хозяев.

– Благодарю, – кивнула Анна. – Можете идти.

Она успела сделать глоток, прежде чем за горничной закрылась дверь, и мать вернулась к давнему разговору:

– Анна, радость моя, ты обдумала то предложение?

– Я ответила еще в прошлый раз.

Глория вздохнула. В детстве за этим обычно следовало наказание неразумного ребенка – лишение сладкого или прогулки. Анна сдержала усмешку, подумав: «Отобрать круассаны я не позволю». Кофе был хорош, и свежевыжатый сок из красных апельсинов – выше всяких похвал. На них стоило сосредоточиться, чтобы спокойно и отрешенно воспринимать происходящее.

– Анна, – Глория поставила чашку на стол возле кресла, – замужество, которое я тебе предлагаю, чрезвычайно выгодная партия. Наши капиталы…

– Мама, «нет» – это слово, которое означает – нет и ничего более.

Завтрак утратил свою привлекательность окончательно. Анна встала с постели.

– Толковый брачный контракт обеспечит тебе максимум свободы.

– Я предпочитаю не часть свободы, а всю целиком. Пойми, я с уважением отношусь к деньгам, но терпеть не могу Лурье, все семейство вкупе и каждого по отдельности.

Анна распахнула двери шкафа, достала дорожный костюм.

– Уезжаешь?

– Как всегда, мама.

– Твое поведение огорчает меня, Анна. Ты даже не произнесла тост в мою честь, как всегда за вас двоих отдувался Филипп.

– Его искусство на высоте.

– Я молчу о том, как ты совершенно пьяная…

– Жаль, что ты не оценила моего стремления к совершенству, которого всегда от меня требовала.

– Этот разговор начинает меня утомлять. – Глория встала с кресла, намереваясь уйти.

Анна бросила последний взгляд в зеркало. Костюм сидел идеально. Она подошла к матери и чмокнула ее в щеку.

– Спасибо за наряды. От Роберто Мути?

Глория кивнула, поджав губы. Анна знала, что мать не отступит, она будет возвращаться к этому разговору при каждом удобном случае. Глория никогда не сдавалась, именно это качество привело ее на Олимп современного общества. Именно это качество передала она детям, но, претерпев трансформацию, ее целеустремленность и упорство превратились у них в упрямство. И если Филипп обладал некой податливостью, то Анна даже не думала меняться. Изредка она шла на уступки, но сообразно личному представлению о долге и приличиях. Посещение материнских празднеств было одной из таких уступок. И теперь, отдав дочерний долг, Анна уезжала, как делала это всегда, едва отбыв официальную часть и оставив о себе недобрую память, в тщетной надежде, что в другой раз мать ее не позовет.

Ах, Филипп, Филипп, почему бы тебе не жениться на одной из крошек Лурье?

Ответ лежал на поверхности: основные капиталы – в руках наследников по мужской линии. Не женское это дело – руководство военно-промышленным комплексом.

Неблагородное поскрипывание полимерных подошв о мраморные плитки пола звучало как вызов. Анна энергично шагала – хотелось поскорее убраться куда подальше. Обезопасить себя от неистребимого инстинкта Глории устраивать жизнь детей, что условно законно для прим-периода, но не далее. Ведь Ту-Ре-Глория не рожала Ту-Ре-Анну и Ван-Ре-Филиппа. Каждый из них кровь от крови и плоть от плоти своей собственной.

Сефира сделала свое дело, и теперь Анна была готова к подвигам. Она всегда приезжала налегке: мать неизменно заказывала для нее наряды на второй и третий день праздника, сообразно собственному вкусу и веяниям изменчивой моды, несмотря на то, что Анна никогда не оставалась. Обязательным был и дорожный костюм. Глория по-прежнему относилась к дочери, словно к кукле, которую ей доставляло удовольствие наряжать. С этим тоже приходилось мириться.

Едва Анна вошла в гараж, мягко забрезжило освещение, постепенно набирая силу, чтобы ненароком не ослепило: в доме Кидов заботились даже о слугах и водителях. Флаер-кар будто пребывал в нетерпеливом ожидании, когда же его обтекаемые формы вновь обласкает ветер.

– Да, дружище, мы повеселимся! – пообещала Анна, сев за руль.

Задав маршрут, она покинула поместье и устремилась к морю. До зоны, открытой для полетов, оставалось около ста километров. Анна проехала их за полчаса и наконец-то взмыла над проливом.

Внизу ползли ряды белых барашков, чайки на лету выхватывали из воды рыбу. Анна заменила панель управления: руль ушел внутрь переборки, а наружу вынырнул штурвал. Пристегнувшись ремнями пилота, она замерла в ожидании. Наконец машина пересекла границу буйков и вышла из зоны ограничений. К черту автопилот! Анна заложила крутой вираж. Нигде не чувствовала она себя такой свободной. Ей казалось, что она живет по-настоящему лишь в эти мгновения.

Не каждому дана такая свобода. Если у человека только одна жизнь, она должна быть безопасной и качественной. Другое дело, когда не одна. Тебе разрешено приобретать машины, допускающие ручное управление, тебе разрешены путешествия в регионы повышенной опасности – пустыни песчаные и ледовые. Делать там, правда, нечего. Но сам факт, что ты волен выбирать, и твой выбор ограничен лишь твоей фантазией, дает ощущение свободы, обеспеченной достойным финансовым состоянием. Деньги – Анна всегда это сознавала – синоним свободы, независимости и возможностей.

– Давай! – закричала она, выжимая из машины все, на что та была способна. Небо и море закружились в безумном вальсе, облака и пенные барашки затанцевали, аквамарин и прозрачная голубизна слились воедино.

Анна выровняла флаер-кар. Ее переполнял восторг, а за ним всегда приходил удивительный покой, как при погружении в океан, когда никакой шторм на его поверхности, не способен всколыхнуть глубину.

– Как же я люблю тебя, детка! – Анна стиснула штурвал, потянула его на себя и засмеялась: выше! выше! на седьмое небо!

– Борт сорок один семнадцать, ваше пилотирование опасно для жизни, – раздался в кабине искаженный трансляцией голос.

– Мое пилотирование и есть жизнь, – тихо и торжественно произнесла Анна.

– Повторите. Вас плохо слышно.

– Перехожу в безопасный режим, снижаюсь, – покорилась она.

– Борт сорок один семнадцать, ответьте.

Что за чертовщина? Дисплей выдавал сумятицу данных. В следующую минуту вырубился защитный купол. Только лобовой обтекатель еще работал. Вспомнив о благоразумии, Анна попыталась перейти на автопилот – безуспешно. «Что следующее?» – подумала она. Штурвал пока слушался, двигатели урчали. Навигационная карта показывала, что расстояние до острова и до материка примерно одинаковое.

На горизонте в голубоватой дымке показались небоскребы Хиллэнда – курортного города-острова, соединенного с материком многокилометровыми трассами на опорах, что возносили дороги над морем. Анна посмотрела вниз – череда маленьких островков – закрытая зона одного из филиалов «Меморис». Возможно, частный курорт для сотрудников корпорации или что-то другое.

Обтекатель все-таки накрылся; от встречного потока воздуха Анна едва не задохнулась. Из глаз двумя ручейками к ушам побежали слезы.

– Проклятие! – выдохнула она и не услышала себя, только безумный свист ветра в ушах. – Борт сорок один семнадцать вызывает диспетчера. Борт сорок один семнадцать вызывает диспетчера! Терплю бедствие в квадрате…

Навигационная карта не работала. Черт! Какой же это квадрат? Надежда только на желтый ящик.

Анна быстро перечислила поломки, а когда заглох правый двигатель, нажала катапультирование. Не сработало. В этой или в будущей жизни она обязательно вкатит судебные иски всем и каждому, кто может быть повинен в крушении, наверняка выиграет процесс, а это значит, резервная жизнь взамен утраченной в результате чужой халатности или злого умысла. Закон есть закон. Кто-то теряет, кто-то присваивает потерянное – общий баланс при этом не меняется, численность населения строго регламентирована. Из каких ресурсов поступят к ней дополнительные годы жизни? Разве она откажется от них, положенных ей по закону? И чем она лучше Филиппа, чтобы осуждать его пристрастия?

Заглох левый двигатель…

Не хотелось передавать реинкарнату ужас и отчаяние, пополнять коллекцию своих кошмаров, но самообладания не хватило.

***

Максимилиан Грей – управляющий поместьями семьи Кид – прикоснулся к сенсору на дужке конексус-очков и принял очередной звонок. Роль главного распорядителя на празднике Глории отнимала много сил и времени, но Максимилиан ни за что не отказался бы от нее. Появилось голографическое изображение худощавого блондина с колючим взглядом.

– Здравствуйте, я инспектор Хольм, – представился он. – У меня печальные вести. Погибла дочь баронессы Кид.

– Я сообщу миссис Кид, – ровным голосом ответил Максимилиан.

– Я бы хотел поговорить с ней лично.

– Боюсь, это невозможно.

– Речь о безопасности семьи Кид. Установлено, что флаер-кар мисс Ту-Ре-Анны преднамеренно повредили.

– Перезвоните послезавтра, – сказал Максимилиан и отключил связь. «Ох уж эта девчонка, – с досадой подумал он. – Не бывало случая, чтобы она не испортила матери праздник».

– Максимилиан!

Управляющий обернулся.

– Да, мистер Филипп.

– Распорядись подать машину.

– Я в затруднении, мистер Филипп. Только что звонил некто инспектор Хольм, сообщил, что мисс Анна погибла. Он считает, все члены семьи в опасности.

– Убийство?! Безумие!

– Он сказал – кто-то испортил машину.

«Анна будто задалась целью жить не дольше четверти века», – подумал Филипп и тут же приуныл – не успел закончиться Прим-дэй матери, как следом обрушивались три дня похоронных торжеств, а потом еще три – в честь перерождения Анны. Какая печень это выдержит?!

– Я скажу матери. – Филипп направился обратно в зал для танцев, откуда только что ускользнул. Не хотелось портить ей праздник дурными вестями, но если полиция предполагает покушение… Ван-Ре Филипп не забыл о том взрыве, что навсегда оборвал жизнь отца. Но Анна… Кому понадобилось убивать ее? Не иначе какой-нибудь сумасшедший захотел прославиться.

Стены галереи, по которой он шел, украшали семейные и одиночные портреты, большие полотна в два человеческих роста. Масляная живопись непревзойденного мастера Сикс-Ре-Клода Серова. Преобладали портреты отца, что неудивительно, ведь он прожил пять жизней – половину причитавшегося ему срока. «Того и глади лидерство перейдет к Анне, – подумал Филипп. – Хоть соревноваться в этом было бы глупо».

Он мельком взглянул на собственное изображение. Художник приукрасил внешность. Не то чтобы очень, но все же. Филипп выглядел на портрете кинозвездой в роли бравого покорителя всевозможных высот и похитителя женских сердец. Если бы ему вздумалось подобрать музыкальную тему к этому образу, то скорее всего он обратился бы к Моцарту, к его жизнерадостным тонам, ясной, неомраченной лирике, порой насыщенной страстью, душевным смятением и драматизмом. А вот к портрету Анны подошло бы струнное пиршество Вивальди, его лиризм со скорбно-хоральными интонациями.

В детстве сестра казалась Филиппу всезнающей небожительницей, что не удивительно, ведь она была Ван-Ре в теле ребенка, а он – только Прим, настоящее неразумное дитя. Внешнее сходство долгое время оставалось единственным, что их объединяло, как близких родственников.

Филипп вошел в зал для танцев, где в старинном вальсе кружились пары, и тут же наткнулся на Росари Штейн.

– Дражайший друг, вы меня избегаете? – Она взяла его под руку.

– Что ты, Росари, как можно, – соврал Филипп. – Ты не видела Глорию?

– Она в зимнем саду. Что-то случилось? У тебя такой озабоченный вид.

– Случилось. – Он мягко высвободил руку и, учтиво поклонившись, направился к зимнему саду. Ему повезло – мать решила вернуться в зал для танцев, и они встретились у южного входа. Иначе пришлось бы побегать в ее поисках по многоярусному саду. На второй день

празднования в их доме по традиции одевались в нелепые старинные платья и не пользовались конексусами. А иначе, что бы это получился за маскарад, если у всех работают опознавательные маячки?

Глория в очередные семнадцать лет выглядела невинной девушкой, каких ей не раз доводилось играть.

– Мама, – Филипп склонился к ее уху и окунулся в ореол тонкого аромата знакомых с детства духов, которые изготавливали по специальному заказу в единственном экземпляре, – Анна погибла. Предполагают убийство.

Глория кивнула сыну в знак того, что услышала новость и приняла ее к сведению. Правила этикета предписывали ничем не омрачать настроение гостям, что пришли на праздник. Приглашать их на похороны сейчас, когда впереди еще день торжеств, было бы крайне бестактно. Улыбка Глории осталась такой же сияющей.

2

Запах озона, тусклое освещение, едва различимое гудение приборов – все как обычно. Нет, не все. Боли не должно быть. Что-то не так с новым телом.

Анна поморгала, сгоняя мутную пелену. Первым, на чем сфокусировался взгляд, оказался медицинский прибор с протянутыми от него нитями то ли инъекторов, то ли датчиков.

Она попыталась приподнять голову и не смогла. В ответ всколыхнулась боль. По ощущениям – тело пропустили через мясорубку. Казалось, болит каждая клеточка.

«Что со мной?! Где персонал?» – забеспокоилась Анна.

– Кто-нибудь… – Голос прозвучал едва слышно и потонул в слабом гудении оборудования. Никто не откликнулся, не подошел.

Анна хотела шевельнуть пальцами, чтобы нащупать датчик вызова медперсонала, но обнаружила, что руки упрятаны в прочные фиксаторы, а тело будто заключено в подобие панциря – вздохнуть полной грудью невозможно. Беспокойство, едва появившись, тут же растаяло, не иначе как в инфузор добавлено успокоительное. Анна лежала и думала о том, что третьей реинкарнации не было. Медикам удалось по кусочкам собрать искалеченное в катастрофе тело. «Зачем? – недоумевала она. – Что если я останусь прикованной к постели? Или все не так плохо, как мне кажется?»

Лекарство невидимо двигалось по капилляру, тихо гудели приборы у стены. Легкий щелчок, перемигивание индикаторов: пошел другой раствор, и глаза вскоре начали слипаться.

Краткие пробуждения сменялись провалами в черноту сна. Иногда Анна видела рядом с собой кого-то из медперсонала, но так и не спросила, почему ее до сих пор не навестили ни мать, ни брат.

Однажды она проснулась и обнаружила, что руки свободны от фиксаторов. Голова все еще была затуманенной, от чего бодрствование походило на сон, дурной и бесконечный. Анна попыталась встать, но не смогла, хоть панциря, сковывавшего тело, на ней больше не было. Она приподняла простынь и тут же опустила, закусив губу.

Дверь беззвучно отъехала в сторону, кто-то ждал ее пробуждения. Анна осознала, что истосковалась по общению и готова поговорить даже с матерью, хоть речь наверняка пойдет о замужестве. Но вошедший оказался ей незнаком.

Посетитель – высокий худощавый блондин с нелепыми бакенбардами, удлинявшими и без того вытянутое лицо, – улыбнулся, но глаза остались равнодушными.

– Добрый день. Как самочувствие?

– Если день добрый, самочувствию грех быть плохим, – отозвалась Анна, продолжая изучать незнакомца.

– Меня зовут Сергей Хольм, я – инспектор криминального отдела, – представился посетитель. – Я бы хотел побеседовать с вами.

– Анна. Ту-Ре-Анна Кид. – Она протянула руку. Тонкая простыня соскользнула с предплечья, и в дюйме от локтя обнажился розовый рубец – место соединения культи и клонированной руки.

– Вы утратили как раз ту часть, где находился чип-идентификатор, – отметил Хольм с еле уловимым оттенком ехидством. – Будьте добры, еще раз повторите имя?

– Ту-Ре-Анна Кид. Мой флаер-кар…

– Что ж, согласен, определенное сходство есть, – оборвал Хольм. Он придвинул кресло ближе к постели и, усевшись, криво усмехнулся. – Вам попался неплохой генетик. Если бы только не эти рубцы… Жаль, что лицо так пострадало. К тому времени, когда вас выловили из воды, в раны попала инфекция. Хоть вам еще повезло.

– О чем вы? – Анна машинально скользнула пальцами по лбу, щекам. Плотные бугорки шрамов исчертили правую половину лица.

– Об эстетике, дамочка. Она не входит в стандартный страховой пакет. – Хольм разглядывал ее с прищуром.

– Что за бред? В этой больнице не слышали о генной пробе? – Анна попыталась вспоминать, кто и за что отвечает в подобных случаях. – Постойте… Раз уж я осталась без чипа, ее должны были сделать! Почему врачи не связались с моей страховой компанией? В конце концов – с родственниками? Я бы возместила их затраты на… как вы говорите, эстетику.

– О, это без проблем, – ответил Хольм. – Но есть одна загвоздочка. – Он придвинулся ближе, и глаза его недобро блеснули. – Вашего генотипа нет в базе данных.

– Что? – Анна похолодела. Она решила, что ослышалась, но инспектор только устало усмехнулся.

– Вызовите моего адвоката, – внезапно осипшим голосом произнесла Анна.

Хольм вынул из внутреннего кармана пиджака миником.

– Назовите имя.

– Гатт Макгрегор.

– Хм… Черт возьми! Неплохой выбор. Гатт Макгрегор – истинный профи. Но, к сожалению, есть маленькая проблемка. Он не ваш адвокат, а семьи Кид.

Хольм отложил миником в сторону и задумчиво уставился на Анну.

– Вот что я вам скажу. Рано или поздно мы разберемся, кто вы такая и почему выдаете себя за Анну Кид. У меня для вас неприятная новость: флаер-кар с телом баронессы подняли со дна через несколько часов после крушения.

Окружающее поплыло перед глазами, но, прежде чем потерять сознание, Анна расслышала:

– Так кто же подстроил гибель мисс Кид?

***

Вскоре Анну отключили от внутривенного питания и перевели на обычную пищу. У нее не было связи с внешним миром: ни новостей, ни развлечений. Кроме медперсонала ее навещал только инспектор Хольм, чтобы с упорством, достойным робота, задавать одни и те же вопросы. Он приходил дважды в неделю в одно и то же время. Его манеры, взгляд, интонации голоса – все было призвано служить единственной цели: выудить признание.

При втором визите инспектор показал Анне документы, подтверждающие, что ее генотипа нет в планетарной базе данных. Исследования проводились трижды. Лишь микроскопический дефект отличал ее генотип от зарегистрированного генного набора баронессы Анны Кид. «Убийственная ошибка, – заметил Хольм после того, как зачитал результаты третьего обследования. – Здорово над вами посмеялись, не правда ли? Так кто же вы такая? Пора сказать правду».

«Какую правду?!» – хотелось ей закричать, но она дала слово держаться достойно, несмотря на страх, унизительное положение, неопределенность и проклятые препараты, от которых постоянно клонило в сон, а мысли давно запутались до такой степени, что превзошли бы гордиев узел. Достоинство – единственное, что у нее осталось. А как же иначе? Ведь она – Кид!

Анна покосилась на часы: вот-вот явится Хольм. Она опустила больничное рубище, прикрыв уродливый шрам, сверху донизу пересекавший живот, и натянула простынь до самого подбородка. О внешности тут не заботились, оставалось надеяться, что замененные органы пришиты на совесть.

Через несколько минут из коридора донесся звук шагов. На этот раз Хольм пришел не один. Двое, что следовали за ним, сдержанно приветствовали Анну, вернее кивнул лишь

один – невысокий, плешивый, с заметно выступающим брюхом. Другой, худощавый, с выпученными глазами и лицом, напоминавшим застывшую посмертную маску, даже не взглянул на нее.

– Мистер Синкофф и мистер Ребиндер – специалисты по подсознательной логике, – представил инспектор своих спутников.

Синкофф, тот, что не поздоровался, остался невозмутим, а Ребиндер вяло улыбнулся. Она кивнула в ответ. «Тем лучше. Должно же, наконец, все проясниться», – подумала Анна.

– Назовите ваше имя, – потребовал Хольм.

– Ту-Ре-Анна Кид.

– Настоящее имя!

– Ту-Ре-Анна Кид.

– Кто вы и откуда?

– Я – дочь сенатора Патрика Кида.

– Кто организовал покушение на баронессу Анну Кид? Назовите имена ваших сообщников.

– Я – дочь сенатора Патрика Кида. Я могу рассказать любые подробности своей жизни, о которых знаем лишь я и мой брат. Филипп вам подтвердит…

– Это несложно, дубликаты воспоминаний известных людей – ходовой товар на черном рынке, – прервал ее Хольм. – Тысячи таких же чокнутых подражателей, как вы, дамочка, примеряют на себя чужие судьбы. Но такое покушение совершено впервые. Меня интересует, кто и зачем убил Ту-Ре-Анну Кид. Кто и зачем нелегально проделал генную модификацию? Вас предупредили, что полного сходства генотипа добиться никогда не удавалось? Вы не знали? Что заставило вас пойти на риск? Отвечайте!

– Ту-Ре-Анна Кид жива. Она перед вами. Если вы подозреваете, что произошло покушение, советую вам заняться поиском виновных. Никаких модификаций я не проходила.

– Ставки в игре высоки, не так ли? – не унимался Хольм. – Я хочу знать, каков был план.

Он положил на тумбочку возле кровати портативный голографический ретранслятор и активировал его. Перед Анной развернулась картина давней уже передачи: из морских глубин подняли флаер, на месте пилота – ее тело, далее – кадры кремации и чествования Три-Ре-Анны.

– По-прежнему будете настаивать, что вы дочь Патрика Кида?

– Буду.

– Господа, ваша очередь. – Хольм сложил на груди руки и уставился в пол.

***

Эти двое трудились явно не за жалованье. Диагноз, на котором они настаивали, звучал почти как смертный приговор: реактивный психоз на фоне принудительного вытеснения личности. Для Анны осталось загадкой, как психиатры, связавшие воедино две эти лжи, отстояли перед компетентной экспертной комиссией правомерность нелепого заключения.

Синкофф был хладнокровен и неумолим, он атаковал Анну вопросами-головоломками. Но ее убеждение, что вердикт уже вынесен, и все эти подробности об однополых связях и прочей чепухе – не более чем формальность, такая же пустая, как взгляд мозгоправа, лишь крепло. Если Анна молчала, он переходил к другому вопросу, отложив предыдущий на потом, если выказывала волнение, вопросы начинали сыпаться градом. И была у Синкоффа одна малоприятная особенность: не здороваться и не прощаться.

Ребиндер играл другую роль: втирался в доверие и твердил, как хитро устроена человеческая психика, как неотступно мозг ищет оправдания и объяснения происходящему. В отличие от Синкоффа, он куда больше разъяснял, чем расспрашивал. Ребиндер подталкивал подопечную к мысли, что сомнения в здравости собственного рассудка – свойство здорового человека,

в то время как упертость и зацикленность на некой идее… Сами понимаете. Осознав, что в ней сосуществуют две личности, Анна положит начало пути к выздоровлению, и он, Ребиндер, излечит ее от недуга, ибо современная психиатрия обладает достаточными возможностями и т.д., и т. п.

Анна притворялась, что готова к сотрудничеству, она отвечала на все каверзные вопросы Синкоффа и терпеливо выслушивала Ребиндера, а психиатры изобретали все новые и новые тактические ходы, день ото дня хитроумным образом изменяя их последовательность. Поначалу она пыталась разгадать логику их атак, но вскоре запуталась.

Оставшись в одиночестве после очередного допроса, Анна плакала и упрямо шептала свое имя, она хваталась за него, как утопающий за соломинку, ведь больше у нее ничего не осталось. Ни мать, ни брат не приехали посмотреть на странную покалеченную девушку, выдававшую себя за Анну. В течение двух месяцев к ней приходили только инспектор Хольм и доктора-экзекуторы, да еще дважды ее посетил адвокат, разговор с которым получился коротким и сумбурным.

Гнетущая атмосфера палаты без окон и постоянный полумрак изматывали не хуже допросов. От медикаментов, которыми пичкали Анну по указанию психиатров, с каждым днем все хуже работала голова. Счет времени она потеряла примерно через три недели после того, как окончательно пришла в себя.

– Это препарат G-7, – сказал Хольм при очередном визите, показав маленькую зеленую капсулу. – Тут его называют «вспоминатель». А вот разрешение на его применение, – жестом фокусника он продемонстрировал носитель – безликую пластиковую карту. Нарочито медленно Хольм положил на стол ретранслятор и поднес к нему карту.

Из открывшегося документа взгляд Анны выхватил словосочетание «особо опасная преступница». Хольм уловил ее молчаливое возмущение:

– Покушение на членов семьи Кид относится к разряду политических преступлений. А в таких случаях для раскрытия заговора допустимо идти на крайние меры, и никакие гуманисты даже слова не вякнут в вашу защиту.

Он улыбнулся и положил капсулу на стол с медицинской аппаратурой.

– Доктора считают, вы всецело отождествили себя с баронессой Кид, ваша самоидентификация искажена. По правде говоря, я в этом сомневаюсь. Впрочем, я ведь не спец.

Он слегка наклонился и заговорщически произнес:

– G-7 – чудодейственное средство, оно погрузит вас в лабиринты памяти, можно сказать – утопит в воспоминаниях. Днем и ночью вы будете непрерывно думать о прошлом. Вы станете копаться в нем, как археолог, и найдете все, что позабыли. К сожалению, препарат вызывает слабость, головокружение, тошноту, рвоту… Но дополнительный дискомфорт может ускорить процесс.

У Анны перехватило дыхание.

– Подлец… – прошептала она.

Хольм только пожал плечами.

***

После того как в инъектор стали добавлять препарат G-7, состояние Анны ухудшилось. Голова раскалывалась, а горло похоже распухло – до того трудно стало пить. Руки и ноги сделались тряпичными, Анна больше не могла самостоятельно добраться до туалета. После еды рвало, она исхудала так, что пришлось перевести ее на внутривенное питание. Однако недели через три организм адаптировался к мерзкой отраве: тошнота немного уменьшилась, а к утру иногда и вовсе проходила.

И все же физические страдания были мелочью в сравнении с душевными. Все детские обиды, зарытые в подсознании, все забытые проступки, и даже самые невинные грешки –

выбирались наружу и становились в очередь на освидетельствование. Иногда казалось – еще немного, и из черноты забвения всплывет личность коварной аферистки, рожденной на самом дне общества и покушавшейся на жизнь баронессы Кид.

К тому времени, когда суд принял решение о принудительном психиатрическом лечении, Анна впала в болезненное оцепенение. Она даже не спросила у Хольма, куда именно ее отправляют, но инспектор счел своим долгом сообщить: «Едете в райское местечко. Надеюсь, вернетесь оттуда настоящим ангелом».

3

Заходя на посадку, флаер лег на крыло, и Анна разглядела внизу маленькие, словно игрушечные дома, рассыпанные по горному склону. В следующую секунду вдали сверкнули острые шипы скал, а за ними – голубоватая бездна.

После приземления, как только дверь беззвучно уехала в сторону, Анну заставили подняться и тут же вывели наружу. Она еле держалась на ногах.

По периметру посадочной площадки за ограждением буйно разрослись кусты шиповника. Анна уловила тонкий аромат розовых цветов – он прорвался через пелену медикаментозного безразличия. «Уже начало июня», – подумала она, и сердце тревожно сжалось. Почти в каждом поместье Кидов был уголок, где рос неприхотливый шиповник. Сколько же счастливых минут она провела в тени его кустов! И как давно это было…

Анну лицом развернули к широкой арке, увитой диким виноградом. В обе стороны от нее уходила высокая стена из гладкого прозрачного материала с загнутым внутрь верхним краем, а внизу просматривалась кромка цоколя, наверняка хорошо заглубленного. В точности как ограждение Каллиопской тюрьмы, где Анне довелось однажды побывать с гуманитарной миссией.

Навстречу, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, ковылял человек с телосложением гориллы. На клапане нагрудного кармана его светло-серой формы четко выделялся логотип в виде облака, а на плече болталось несколько ремней. Бугристую голову незнакомца покрывал короткий выцветший пух, не способный скрыть неравномерную россыпь пигментных пятен, которые образовали на темени материки и острова неизвестного мира. Одутловатое лицо этого человека с уродливым, точно вдавленным носом выглядело восковым. Но самыми отталкивающими были глаза, в которых не отражалось ничего, кроме тупого равнодушия. Анна почувствовала, как сонливость на минуту уступила место безотчетной тревоге.

Подойдя к прибывшим, человек в форме неторопливо кивнул и протянул широкую лапищу. Ему передали серебристый чип с историей болезни пациентки.

– Из рук в руки.

– П-порядок, – ответил здоровяк, убирая чип в нагрудный карман.

«История болезни. – Анна дернула уголком губ. – Измышления Синкоффа и Ребиндера. Научно-фантастический бред, который нельзя доверить даже сети».

– П-послушайте, м-мисс, я – санитар, и м-меня зовут Роб Ирвинг. Стало быть, вот что… В-ведите себя смирно, и т-тогда мне не придется вас с-с… – Он долго надувал мясистые губы и, наконец, с трудом выдавил: – с-связывать, мисс. Окей? П-пройдемся, нужно п-протестировать ваше ф-физическое состояние.

Он грубо взял ее за локоть и, кивнув на прощанье пилоту и сопровождающим, повлек за собой.

Гравий зашуршал под ногами, а в спину толкнула воздушная волна, поднятая стартовавшим флаером. Анна ощутила, как по животу разливается холод. В эту минуту стена блеснула в лучах солнца, в ее толще проявились огромные, в два человеческих роста, переливающиеся буквы и сложились в надпись: «Приют облаков».

Анну от слабости качало из стороны в сторону, в шорохе гравия ей мерещился чей-то насмешливый шепот, к нему примешивался неясный шум – то ли завывание ветра, то ли сопение кошмарного спутника. Вскоре звуки слились в единый гомон, свет и тень, рваными клоками устилавшие дорожку, поплыли перед глазами, земля закачалась, но крепкие руки санитара вовремя схватили Анну за плечи.

Сквозь полуобморок она явственно слышала его дыхание с астматическим присвистом, ощущала напряженный взгляд, должно быть, цинично блуждавший по ее груди. Про-

шло несколько минут, прежде чем ей стало легче. Она открыла глаза и тут же отвернулась, не в силах видеть физиономию санитара так близко. Ее желание отстраниться, он расценил по-своему.

– Я д-думал, мы д-договорились, – медленно произнес Роб. На его лице было выражение детской обиды. – Зря вы так. Не х-хотите по-хорошему, стало быть, будет по-плохому.

До боли стиснутая в объятиях санитара, Анна чувствовала влажное, горячее дыхание верзилы. Набрав столько воздуха, сколько позволили сдавившие ее тиски, она впилась взглядом в маленькие, до странности знакомые глаза санитара и быстро проговорила:

– Послушайте, Роб Ирвинг, меня укачало во время полета. Думаю, не стоит из-за этого меня связывать, просто мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Мысленно она дважды его прокляла и обозвала ничтожеством и мерзким чудовищем. Санитар смотрел не мигая, и Анна усомнилась в том, что он ее слышал. Наконец его губы вспучились, и он выдавил:

– Стало быть, п-порядок, да? Будьте п-паинькой, м-мисс, и я вас не свяжу.

Он снова потащил ее за собой. Они миновали арку, вошли в распахнувшиеся решетчатые ворота, и те захлопнулись. Территория Приюта облаков показалась Анне огромной – так долго пришлось идти. Но запомнилась только аллея, обсаженная невысокими тисами, постриженными под бонсаи, охранник с коротким карабином в руках и лестница из серого камня. Потом они оказались на центральной аллее лечебницы, поднимавшейся вверх по склону. В зарослях деревьев проглядывали крыши соломенного цвета, где-то неподалеку монотонно журчал ручей, и всюду порхали бабочки – яркие, как ожившие орхидеи.

Она давно не видела столько бабочек. Разве что в детстве – на тех самых бледно-розовых цветах шиповника. Внезапно Анне почудился голос матери: «Кто-то скажет, что дети умерли, но это не так, слышишь…» Анна попыталась оборвать воспоминание, но лицо Глории Кид проступало все отчетливей. Проклятый препарат действовал исправно, слой за слоем обнажая глубины памяти.

«Маленькая девочка по имени Лиска знала, что они превратились в бабочек – таких же прекрасных, как детские души…» – нашептывал голос Глории.

Эта забытая сказка, множество раз перечитанная и пересказанная, принесла пятилетней Анне столько неприятностей, что и вспоминать не хотелось, но как назло память принялась подсовывать картины давнего прошлого одну за другой.

– Вам у нас п-понравится, – вернул ее к реальности санитар.

«Понравится принудительное лечение? Он издевается?» – Анна дернула рукой в попытке высвободиться, но Роб сильнее сдавил ей локоть. Вскрикнув от боли, она принялась вырываться, и в эту секунду он ее отпустил. Падение вышло неуклюжим, Анна стукнулась головой о камень.

Санитар стоял над ней, широко расставив ноги. Он походил на огромного умственно отсталого ребенка, с любопытством наблюдающего за агонией раздавленного жука.

«Да он же просто идиот!» – осенило Анну.

– Ну как, м-мисс, – спросил Роб, наклоняясь, – д-довольны? А я уж д-думал, без п-происшествий обойдемся. А мы п-почти п-п… пришли.

Санитар взял ее за плечи и одним движением поставил на ноги.

– За теми д-деревьями ваша квартира. Тут к-крутая лестница. Я проведу вас, а потом… – Роб неожиданно замолчал.

Потом? Что будет потом?

– У вас кровь, – сказал Роб. – Когда мы п-придем, я позову медсестру. Доктор Чан будет чуть п-позже, это ваш лечащий в-врач.

Анна рассеянно оглядела себя. На правой руке кровоточила ссадина, но это было ерундой по сравнению с тем, как разболелась голова.

– Идете? – спросил Роб.

Анна демонстративно шагнула к лестнице и вдруг, – точно лампочка вспыхнула, – она поняла, кого ей напомнил санитар. Колени предательски подогнулись.

***

Филипп хандрил. Это состояние еще не достигло той остроты, когда единственным выходом видится смерть. Смерть на любой вкус, твоя или противника, в «Лабиринтах Минотавра» она встречалась в невероятном разнообразии. Но вторая столь ощутимая растрата за довольно короткий срок могла привлечь ненужное внимание. Сейчас он охотно согласился бы посетить даже светский раут у матушки, хоть еще и трех месяцев не прошло после празднования ее Прим-дэй, плавно перетекшего в поминки Ту-Ре-Анны, а затем в чествование Три-Ре-Анны. Такая насыщенная программа, как правило, надолго отбивала у него охоту посещать вечеринки. Но жизнь… Все жизни – повторение опостылевших ритуалов, играющих роль островков постоянства, помогающих справляться со стрессом, который ни что иное как реакция на новизну. Словами блистательной Глории Кид: пускай мир гибнет, но каждый день я буду принимать ванну с лепестками роз, и каждый вторник – устраивать чаепитие на сто персон.

Реакция на новизну… Психологи придумали новый миф для объяснения депрессии. Действительно, как еще объяснить это неистребимое заболевание, которое косит без разбора и богатых, и бедных. Но, как ни странно, богатых даже чаще. Почему? Хороший вопрос. На самом деле – глупый. Никому не придет в голову спрашивать: «У меня такая хорошая жизнь, почему у меня грипп?». Гриппу все равно. Депрессии тоже все равно. Говорят, реинкарнаты биохимически несовершенны. Возможно, байка для унитариев, чтобы не так обидно было. У этих неоаристократов все хорошо, им просто время от времени хочется умереть – быстрее уйти из круговорота бессмысленного бытия. Анна себя никогда не убивала, ей просто катастрофически не везло. Интересно, как она борется с невыносимой легкостью бытия? Филипп никогда об этом не спрашивал.

Его способ, несомненно эффективный, был простым – спать в обнимку с кем-нибудь приятным на ощупь. Но по временам не вдохновляло даже это, и хотелось чертова стресса, адреналина, ощущения чего-то настоящего. Вот бы Анна отчитала его. Сейчас это пришлось бы очень кстати. По своему обыкновению она по нескольку раз возвращалась к эпизодам его безумств. Ожидание взбучки становилось для Филиппа все более тягостным, сроки и правила игры не соблюдались – ритуал оказался нарушен. Три-Ре-Анна ни словом не обмолвилась о том эпизоде в спальне, когда уличила его в незаконной реинкарнации. Она сделала вид, что не помнит – решила, должно быть, раз не работает старый способ, настало время для новой тактики. Или ей вообще наплевать на брата?!

Нужно было срочно что-то делать, чтобы не свихнуться. И Филипп сделал то же, что и всегда.

***

Анна очнулась, но глаза никак не хотели открываться, казалось, веки слиплись намертво. Она лежала и прислушивалась. Ей мерещилось, что где-то снаружи ветер играет бамбуковыми подвесками: тук-тук-тук в разной тональности пели они, тук-тук-тук – никакое зло не войдет в этот дом. «Как было бы чудесно, если бы звон колокольчика или постукивание палочек ограждали нас от опасностей», – подумала Анна.

Наконец удалось приоткрыть глаза. Взгляд уперся в архаичный потолок из деревянных реек, испещренных прожилками. Анна откинула одеяло, казавшееся каменной плитой, и с трудом села. Мягкий рассеянный свет лился сквозь бумажные окошки в решетчатых рамах. Было у них какое-то замысловатое название, но она никак не могла вспомнить. Анна оглядела

маленькую комнату, все убранство которой состояло из матраца и шкафа у торцевой стены. За перегородкой, отделявшей спальню от другой комнаты, кто-то копошился.

По-прежнему вялая, точно в полусне, Анна заставила себя подняться на ноги. Мир виделся размытым и зыбким, рисунки на перегородке то обретали объем, то вновь становились плоскими.

– Эй! – произнесла она, остановившись и пытаясь сохранить равновесие.

Шум за перегородкой мгновенно стих. Анна протянула руку, чтобы раздвинуть узорчатые фусумы[7], но те неожиданно раздвинулись сами, и перед ней возник санитар – неправдоподобно огромный.

Анна едва не вскрикнула, внезапно увидев картину из далекого прошлого. Много лет назад в доме Кидов служила рослая и полная повариха. Звали ее то ли Марта, то ли Берта, а может иначе: памяти было угодно исказить, стереть ее имя, но сохранить образ. В те давние годы, еще в первом детстве Анны, пошла мода на тучных кухарок и домработниц, и это был настоящий ажиотаж. Самым шиком считалась толстенная, как уличный автомат для мусора, кухарка-негритянка. Но полнота в те времена уже являлась уделом личных предпочтений, поэтому агентства по оказанию бытовых услуг остро нуждались в кадрах. Именно эта идиотская мода стала причиной появления в доме Кидов ужасной «ведьмы Маары».

Роб шагнул навстречу. Не в силах двинуться с места Анна в ужасе застыла перед оживившим призраком давнего кошмара. Но санитар был материален. Он возвышался над ней как нелепый, грубо вылепленный голем поварихи – бесформенный, бледный, с такими же пепельными, редкими волосами на шишковатой голове, с такими же маленькими глазками.

Анна стиснула зубы, чтобы не разразиться истерическим смехом и не крикнуть ему в лицо: «Я не боюсь тебя!», хоть это было неправдой.

– П-п-проводить вас в туалет, мисс? – спросил Роб. И тут он стал расплываться, заполняя собой пространство, и в его лице все отчетливее проступали черты Марты-Берты.

***

Патрик Кид был из тех людей, что привыкли получать от жизни все. Когда же просьба – о чем бы то ни было – исходила от жены, его активность и предприимчивость возрастали вдвое. Чтобы выполнить желание Глории, он обратился в одно из лучших агентств под брэндовым названием «Толстая мамаша Бу в вашем доме».

В агентстве заверили, что непременно предоставят повариху-негритянку – самую толстую из ныне существующих, в огромной плиссированной юбке, старомодной кофте и белом чепце. Однако попросили подождать месяц-другой, пока подходящая кандидатура будет подготовлена, а на этот период предложили ту самую Марту-Берту – пухлую, бледную и подозрительно молчаливую. Впрочем, за первым же ужином выяснилось, что в умении стряпать толстухе не откажешь. Никто и представить не мог, что уже через месяц вокруг новой кухарки разразится настоящий скандал, из-за которого закроется «Мамаша Бу».

Вот как это было. Как-то раз, играя с Санди, сыном водителя, Анна спряталась в кладовке, где хранились старые кухонные агрегаты. Забравшись под стеллаж, она ждала, когда же Санди ее найдет. В кладовке пахло сыростью и плесенью, а приятель все не шел, и вскоре Анне наскучило это бестолковое лежание, но тут послышалась негромкая возня за стеной. Кладовка примыкала к другому хозяйственному помещению, изначально предназначавшемуся для устройства винной холодильной камеры, но по каким-то причинам не освоенному. Из вентиляционного отверстия проникал свет. Анна подобралась ближе и, приникнув к ячейкам решетки, увидела толстую повариху. Стоя на коленях, та склонилась над маленьким столиком и что-то переминала вилкой в большой серебряной салатнице, той самой, которую ежедневно ставили

[7] Фусумы – внутренние раздвижные перегородки

в центре обеденного стола. Халат у Марты-Берты был распахнут, и Анна с удивлением уставилась на огромные обвислые груди. Щеки толстухи подрагивали, от чего лицо с тускло поблескивавшими глазками выглядело пугающим.

Вдруг повариха выпрямилась, вынула из кармана прозрачный пакет, в котором шуршало что-то живое, быстрыми движениями смяла его и высыпала содержимое в салатницу. И тут Анна поняла, что это бабочки – души детей из ее любимой сказки – существа неприкосновенные, беззащитные и прекрасные. Маленькие, большие, разной формы и окраски – они все еще трепыхались, но повариха схватила вилку и принялась безжалостно давить насекомых. Анна едва успела зажать рот, чтобы не закричать от ужаса и отвращения.

Покончив с убийством бабочек, толстуха подняла с пола незнакомый Анне предмет, похожий на кофемолку, и приложила устройство к складке на огромном белом животе. На миг ее лицо перекосила гримаса боли, и тут Анна увидела, как прозрачный сосуд наполняется мутноватой жидкостью. Уже в те годы бытовые липосакторы считались раритетом, но для пятилетней девочки неожиданное появление странной жидкости показалась колдовством, и на какое-то время она почти забыла о бабочках. Завершив процедуру, повариха вынула из устройства наполненный до половины стакан и вылила жидкость в салатницу с мертвыми насекомыми. Снова перемешав кошмарное блюдо, она зачерпнула вилкой солидную порцию – Анна отчетливо увидела вздрагивающие крылышки – и отправила в рот. Челюсти толстухи заработали, глаза закатились, а свободная рука судорожно схватилась за место, спрятанное между свисающим животом и огромными бедрами. Прожевав, повариха издала низкий, протяжный стон.

Анна выскользннула из-под стеллажа и бросилась прочь, зная, что никому не сможет об этом рассказать: играть в кладовке было строго-настрого запрещено. Кто знает, сколько времени хранила бы она эту страшную тайну, если бы не праздник. Это был бэбидэй, и в этом году он проводился в поместье Кидов. Приехали все соседи и знакомые вместе с детьми. В парке установили карусели, пригласили клоунов, а вечером устроили фейерверки. Для Анны этот праздник был первым: дети до пяти лет не участвовали в грандиозном действе, как и те, что отметили десятилетие. Поздним вечером детей уложили в специально организованной общей спальне, но никто и не думал спать. Когда очередь рассказывать страшную историю дошла до Анны, в ее арсенале оказалась только одна – о толстой поварихе, которая пожирает детские души. «…И с тех пор я не ем то, что готовят у нас дома, – закончила она свой рассказ. – Еду мне привозят из ресторана „Вверх тормашками“».

Слушатели настолько прониклись повествованием, что пожелали непременно увидеть жуткую толстуху воочию и принялись хором уговаривать Анну отвести их на следующее утро на кухню. «Только нельзя вмешивать в это дело взрослых, – предупредил Генри, старший из детей, – ты сама должна отвести нас». Остаток вечера страшилок Анна провела в терзаниях: она не бывала в той части дома с тех пор, как увидела отвратительную сцену. Надежды, что дети забудут о своем намерении, оказались напрасными.

Они отправились в хозяйственное крыло сразу после завтрака. До кухни крались на цыпочках, подталкивая Анну вперед. Потом по очереди заглядывали в щель между створками дверей. Горячее дыхание Генри щекотало Анне ухо. Он торопливо шептал, слова цеплялись одно за другое, слоги проглатывались. Половины слов она не смогла разобрать, значения некоторых вовсе не знала, понимала только, что ей открывают самую страшную тайну.

«На самом деле твоя повариха – никакая не повариха, – шептал мальчик. – Ее настоящее имя Маара. Ей присылают детей в коробках с тайным знаком… перечеркнутая курица… Знаешь, что она делает с ними? Открывает коробку и – шарах бедолагу по голове сковородой, а потом варит и ест. А потом… а потом она ловит в саду его душу-бабочку. Да-да, именно так она и делает. Маара должна убить бабочку, чтобы съеденный ребенок больше никогда не родился. Она питается только мясом пятилетних детей. Слышишь? – пятилетних. Тебе сколько? Пять?». Анна кивнула. «Тогда тебе кранты. Если проклятой людоедке не привезут

вовремя нового ребенка, она придет за тобой. Прости, но это так. Видишь, все приметы совпадают: толстая, здоровенная и злющая. Ты ведь и сама видела, как она бабочек лопала!»

Анна с ужасом посмотрела в щелочку двери на повариху, неторопливо нарезавшую большим блестящим ножом красные куски мяса. Не выдержав, она с криком сорвалась с места и побежала прочь, а вслед несся хохот.

***

– П-поплачьте, мисс. – Голос, в котором не было и толики сострадания, доносился будто издалека, голос идиота, повторяющего заученные фразы. – Х-хороший знак, м-мисс. Б-быстрее уйдет п-призрак. Т-так доктор Чан г-говорит.

Анна слышала Роба, но не могла понять, слова ускользали, не позволяя распознать сути. Она вдруг сообразила, что сидит на полу и теребит какую-то яркую тряпку, оказавшуюся подолом халата-кимоно. Кто и когда ее переодел? Неужели этот урод?! Анна резко подняла голову и к горлу мгновенно подкатила тошнота.

Руки санитара обхватили ее, бессильную протестовать, и в следующий миг, – словно происходившее разрезали на фрагменты и некоторые из них отбросили, – ее уже выворачивало над унитазом.

– Эти лекарства меня доконают, – пробормотала она.

Роб вымыл ей лицо, как это делают перемазавшимся детям. Где-то на краю сознания пульсировала дурацкая мысль: «Ни одного зеркала», – а по лицу уже елозило полотенце. Лапища санитара, придерживавшая Анне затылок, была такой горячей, что казалось – вот-вот опалит кожу. Хотелось оттолкнуть ее, но руки бессильно повисли вдоль тела, и только слезы лились неиссякаемым потоком.

Должно быть, для Роба Анна ничего не весила, так легко подхватил он ее на руки и, перенеся в спальню, положил на матрац. Случайно или намеренно жаркая лапища скользнула по ее груди, заставив очнуться.

Санитар отошел к шкафу и вытащил из него подушки.

Раздался тройной писк, Роб взглянул на браслет. «Должно быть, вызов», – понадеялась Анна. Но Роб никуда не спешил, он продолжал аккуратно раскладывать подушки на полу. Браслет снова пропищал, на этот раз дважды. Покончив с приготовлениями, санитар опустился на колени возле Анны.

– Это п-почти не б-больно, м-мисс, – сказал он. – Т-только вначале немного н-неприятно. Т-так говорят.

Тут раздался одиночный протяжный сигнал браслета, и санитар толчком придавил голову и грудь Анны к матрацу.

Крик возмущения тут же перешедший в испуганный вопль: тело свело судорогой. Внутренности завибрировали, в голове зазвенело; казалось, что-то живое ломится через барабанные перепонки наружу. Анна ослепла, ее словно катало прибоем по камням. Она пыталась вырваться, но уже не понимала, с какой стороны на нее навалился Роб: не знала, где верх, а где низ, и не могла кричать, только хрипела. А когда пытка, наконец, прекратилась, Анна решила, что ее разбил паралич.

Она открыла глаза. Роб стоял на коленях, склонившись над ней, – в той же позе, в которой Маара готовила свое ужасное блюдо. Точно так же набрякли щеки и тускло блестели глаза.

– Р-релаксация, – просипел Роб. Он облизнул сально блестевшие губы и показал ей браслет.

Анна не могла даже застонать. Ужас объял ее, и все существо наполнилось безмолвным криком.

Сачок – безжалостный, неумолимый сачок – накрыл бабочку, и теперь она оказалась во власти чудовища, тупого и кровожадного.

Роб смотрел на беспомощную подопечную широко открытыми глазами, потом отстранился и слегка прищурился. Взгляд его подернулся поволокой: должно быть, в эту минуту он мнил себя художником, оценивающим детали нового шедевра.

Анна выдержала взгляд мучителя. Как же ей хотелось плюнуть в эту глупую, надменную рожу, но губы онемели. Она с ненавистью смотрела в глаза санитара, и вдруг провалилась в его жуткую внутреннюю пустоту.

Ты в ловушке, детка, тебе не вырваться, теперь ты моя, моя, моя!

Она с трудом протолкнула в горло сухой ком, – ей нечего рассчитывать на помощь и защиту. Никто не избавит ее от опеки этого человека. Поднявшись, Роб тяжело протопал по циновкам и раздвинул сёдзи[8].

Сёдзи… Название само собой проклюнулось в памяти, оно было из лекционного курса «Быт и культура исчезнувших цивилизаций». Воспроизведение этнических элементов архитектуры и внутреннего убранства помещений приветствовалось и хорошо спонсировалось фондом «Наследие».

Парализованная и униженная, Анна следила за неторопливыми движениями Роба, в страхе ожидая нового подвоха. Но санитар не обращал на нее внимания, как будто позабыл, что в доме помимо него есть кто-то еще.

Никто, никто тебе не поможет!

За сёдзи оказалось толстое стекло, снаружи ветер беззвучно раскачивал ветви сакуры. Поодаль виднелся холм, с него сбегала вниз красноватая дорожка. В комнате стало светлее, и Анна увидела на стенах датчики, панели и замысловатые разъемы для какого-то оборудования. Роб вышел в прихожую и через минуту вернулся. Он катил перед собой устройство, похожее на то, что стояло рядом с ее кроватью в реабилитационном центре. Неужели снова инфузор? Опять проклятые препараты! Что станет с ее мозгами? Сколько времени будут тянуться пытки? Зачем все это?

Роб зафиксировал устройство и нажал на сенсор. Из центрального блока выскочила панель, куда санитар принялся деловито вставлять капсулы, заполняя свободные гнезда. Анна знала, что он делает – не раз наблюдала за подобной процедурой. После того как иглу воткнут в вену, устройство начнет поминутно впрыскивать в кровь микродозы сводящих с ума препаратов. В руках санитара мелькнула уже знакомая зеленая капсула – точь-в-точь такая же, какую ей показывал Хольм. Ненавистный «вспоминатель»! Анна заплакала, но лицо при этом осталось неподвижным.

Покончив с капсулами, Роб глянул на часы и подошел к окну.

– Скоро прибудет д-доктор Чан, – сказал он. – То, что сейчас с вами д-делают, м-мисс, вам это пойдет на п-пользу. В п-приюте все должны получать релаксацию п-перед тем, как вводят лекарства. Они вас вылечат, эти лекарства, м-мисс. Д-доктор Чан – спец.

Он что-то нажал на стене, и стекло уехало вбок. Комнату тут же наполнили звуки: шелест листвы и пение птиц. Роб взял пустую коробку от лекарств, которыми начинил инъектор, и вышел. Анна перевела взгляд на окно. Небо посерело, ветер клонил верхушки деревьев к земле: похоже, погодой здесь не управляли, и, предоставленная самой себе, она принесла холодный воздух.

Анна почувствовала, что к рукам и ногам понемногу возвращается чувствительность, она попыталась повернуть голову, и у нее это почти получилось. Ей хотелось попробовать заговорить, но было страшно услышать собственное невнятное бормотание. Неужели это будет продолжаться изо дня в день? Из месяца в месяц? Она судорожно всхлипнула.

Спустя несколько минут Анна продрогла, но Роб, вернувшись, набросил на нее одеяло. Она закрыла глаза, чтобы не видеть своего тюремщика, и тут легкий приближающийся гул

[8] Сёдзи – стенные решетчатые рамы из легких деревянных планок, с внешней стороны оклеенные полупрозрачной бумагой.

привлек ее внимание. Анна посмотрела в окно: из-за поворота дорожки на холме показался каплевидный миникар, такие в их поместье использовали на поле для гольфа.

– Вот и они, – сказал Роб. Он закрыл стекло и пошел встречать гостей. Анне пришла мысль: «Если этот доктор чего-то стоит, он быстро разберется, что к чему, он поймет, что я не чокнутая. Это шанс избавиться от жутких процедур, вроде релаксации. И вдруг удастся уговорить его назначить мне другого санитара?»

Стоило поразмыслить, как себя преподнести новому врачу.

Ну же, соберись! Возьми себя в руки, размазня.

– Разм… ня, – пробормотала Анна.

Она слегка приободрилась: если как следует постараться, разговор с врачом состоится. Она подвигала бровями, попробовала изобразить улыбку. Тут снова появился Роб, он раздвинул фусумы и пропустил вперед низкорослого китайца в голубой пижаме и круглой шапочке. За ним вошла пожилая дама с пузатым кейсом шоколадного цвета.

– Добрый день, мисс, – бодро поприветствовал ее вошедший. – Моя фамилия Чан, я ваш лечащий врач.

У него было худощавое тело юноши и распухшее болезненно-желтое лицо старика. Чан явно принадлежал к унитариям, иначе имел бы более презентабельную внешность. Присущий этой категории людей карьеризм, стремление выслужиться и получить в награду новый цикл существования вызывали у Анны чувство брезгливости, хоть ей и бывало за это стыдно.

– Здр… ствуйте, – с трудом проговорила она, скрывая свое разочарование. – Оч… прр… тно п… знаком… ся.

– Ого! – обрадовался врач. – Позитивное настроение – залог выздоровления. Итак, мисс, вы пройдете в нашей клинике полный курс лечения. Пациентам, которые не помнят своих имен, мы даем временные. Ваш коттедж называется «Сакура», вот вы у нас и будете Сакурой. Гарантирую, «призрак» рано или поздно уйдет, мы изгоним все чуждое. «Приют облаков» специализируется на психопатологиях подобного рода.

Анна мысленно сжала кулаки, стараясь не выдать своих чувств мимикой, лицо для этого уже достаточно ожило.

Доктор Чан присел на подушку, заботливо приготовленную для него Робом.

– Зеленого чая с клубникой, – бросил он, и санитар тут же вышел.

Китаец достал из кармана маленький золотистый миником и принялся из него что-то выуживать.

– В общем-то, картина вполне ясна, – бодро сказал он через минуту. – Аманда! Увеличьте дозу же-семь на полмиллиграмма. И – продлеваем курс номер семнадцать на десять дней… Или нет, лучше на двадцать. Пока все.

Сестра кивнула и открыла кейс.

– И вы даже не поб… седуете со мной?.. – пробормотала Анна.

– Что? – Доктор Чан поднял брови. – Позвольте, а кто это спрашивает? – Он театрально огляделся в поисках несуществующего собеседника.

Анна почувствовала, как мысли ее неумолимо вязнут в болоте абсурда. У нее не нашлось подходящих слов, чтобы ответить на глупую шутку.

Вернулся Роб со столиком-подносом, поставил его на пол перед Чаном и, почтительно кивнув, удалился.

– Правильно, вы не должны отвечать, – добродушно заметил китаец и отпил чая. – Я никогда не беседую с «призраками». Только с реальными людьми. Надеюсь, вскоре внедренная личность начнет сдавать позиции, и тогда я с большим удовольствием с вами поболтаю.

Анна покосилась на медсестру, возившуюся с инъектором. Лицо женщины напоминало маску.

– Доктор… – Анна сделала последнюю попытку. – П… лагаю… вы ч… ловек опытный. Вам известно… иногда в ж… зни сл… чаются ошибки. – Она собралась с духом и заставила язык повиноваться: – Ч… довищные ошибки.

Чан скользнул взглядом по ее лицу.

– Ваше лицо было другим, не так ли? Имело ли смысл им жертвовать, или все же это было ошибкой? Подумайте об этом.

Он вновь отхлебнул чай, посмаковал. Сестра завершила свое дело. Анна почувствовала, как защелкнулись ремни, и в онемевшую руку воткнулась игла.

– Ну вот и отлично. А теперь постарайтесь вспомнить, кто вы такая, – медленно произнес доктор, и в его голосе уже не было ни капли иронии.

Действие увеличенной дозы «вспоминателя» не заставило себя ждать.

«Кто я такая? – лихорадочно забилось в мозгу. – Кто же я? Что если – не Анна Кид? Я не помню…»

Откуда-то издалека донесся монотонный стук метронома[9].

Фигуры доктора, санитара и сестры постепенно растаяли, и Анна осталась одна, еще более неподвижная, чем во время сращивания переломанных костей. Чувствительность продолжала возвращаться, но вместе с этим наваливалась беспредельная слабость. Лекарство, попадая в кровь, заставляло Анну страдать.

«Уже скоро… очень, очень скоро…», – доносился издалека зловещий шепот Маары.

Вязкими клоками туман расползался по полу, взбирался на стены, растворял звуки: еле слышный, едва различимый разговор. Туман оживал: скопления мутных сгустков неожиданно принимали очертания человеческих тел, а потом рассеивались. Иногда кисельные люди заговаривали с Анной, она узнавала их голоса и пыталась ответить.

Подошла Глория Кид, сотканная из тумана она выглядела пародией на саму себя. «К черту Лурье, мама, – пробормотала Анна в тысячный раз, – к черту этого проклятого педофила. Я никогда не выйду за него, никогда…». А потом из молочной мути выступила крупная фигура, опустилась на четвереньки, нависла молча, и от этого стало трудно дышать.

«А ведь я и вправду могу быть не той, кем себя считаю?» – подумала Анна.

Инъектор пискнул, подал новую порцию яда, и клубящаяся мгла навалилась каменной плитой, раздавила, уничтожила, разметала ошметками по жаркой пустыне.

«Я шейка засушенной ящерицы… В горле песок и поблизости нет воды. Нечем смыть жгучую сухость. В нескольких шагах лежит моя правая передняя лапка, а левая – с другой стороны… Далеко, гораздо дальше, чем задняя. Не могу понять – левая или правая. Нужно собрать себя заново, соединить. Правую лапку я почти притянула, еще немного, чуть-чуть…» – так думал некто, способный жить по другую сторону реальности.

Наконец Анна вырвалась из липкой паутины этого кошмара, чтобы тут же оказаться в другом. Теперь это была комната-клетка с бумажными стенами. Не составило бы труда проткнуть их пальцем, но до них невозможно было добраться, потому что в клетку превратилось ее собственное тело.

Но Анна все тянулась и тянулась, чтобы…

Это вот-вот произойдет! Уже совсем близко!

…покинуть это омертвевшее тело, разорвать путы, выбраться из тумана.

[9] Метроном применяется в психотерапии как вспомогательное средство для введения пациента в гипнотический сон.

4

Доктор Чан был негодяем со стальными нервами. Он приходил по утрам в сопровождении Роба или другого санитара, Георга, садился на подушку рядом с матрацем Анны, и методично задавал одни и те же вопросы. Он все спрашивал и спрашивал и каждый ответ записывал на миником. Время от времени он снимал показатели мозговых ритмов и назначал новые препараты. Снова снимал и снова назначал, и всякий раз повторял, что хочет помочь, но Анна ему не верила. Она не верила и в то, что громила Роб Ирвинг и его сменщик Георг Энефер просто выполняют свою работу. Все это ложь, заговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.